

**ВЛАДИМИР
КУПРАШЕВИЧ**

**ПОСЛЕДНИЙ
ЗВОН**

18+

Владимир Купрашевич

Последний звонок

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Купрашевич В.

Последний звонок / В. Купрашевич — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Жизненный путь человека не долг, и каждый этот путь коротает по-своему, но, чем бы он ни занимался, последний день неминуемо приходит к каждому, но у каждого он свой...

Содержание

ПРИЧАСТИЕ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Купрашевич

Последний звонок

ПРИЧАСТИЕ

Ресторан обустроен в подвале, но близость преисподней не ощущается. Затененные уголки под сводчатыми потолками, создают ощущение уюта, а вальяжные кресла провоцируют завалиться в них до утра. Особенно если ты с дороги. В такой обстановке хороша неторопливая музыка, но русская душа не приемлет полной гармонии и вместо гламурных мелодий с эстрадки, сооруженной в одной из ниш, полыхает огнями и грохочет аппаратура в унисон с визгливой солисткой, какой-то азиатской национальности. Две тошенькие девицы, заявленные как варьете, за дефицитом места вихляют голыми задами у самых столиков. Поближе к выходу торчит милиционер, который сильно портит интерьер и вызывает досаду у мужичков, неудержимо желающих шлепнуть по ляжке танцовщицы. Тем более, что рукой подать.

– Тебе которая нравится, та, что длиннее, или рыжая? – осмотрев девиц, спрашивает Вера.

– Третья, – отвечает Горин.

– Так их всего две, – хитрит Вера.

– Ну ты же знаешь, кто третья, – ублажает ее Горин, но она не унимается:

– И ты мог бы представить меня среди них?

Он долго и с удовольствием осматривает ее глаза, блестящие от возбуждения, с подкрашенными ресницами, влажные, чуть приоткрытые губы.

– Пришлось бы тогда вызывать наряд милиции.

Вера в восторге.

– Мне все-таки кажется, что я полновата в бедрах...

Горин улыбается. Это уже шантаж.

– Хитрющая!

Вера смеется. Она кажется ему сегодня особенно красивой и, конечно же знает об этом. И ее возбуждение ему понятно – они так давно не были вместе. Горин даже не может припомнить точно, как давно – пожалуй, с месяц. Но кажется что вечность.

– А знаешь, тебе можно сегодня сбросить лет... двадцать. Этот новый костюм... Он тебе идет. Солидный такой, молодой мужчина, – отыгрывает Вера.

Солидность и молодость в его сознании не слишком вяжутся, но он не в претензии. Ее сияющее лицо, бред, который она несет, пьянит, и вникать в смысл слов не хочется.

– Я надеюсь, на этот раз ты не на два часа? – она дотрагивается пальчиками до его руки.

Горин чувствует, что не может справиться с глупой улыбкой, с трудом отрывает взгляд от ее одуряющих глаз и пытается придать голосу сдержанный тон.

– Сегодня я могу задержаться, если позволите.

Это сюрприз. Вера ахает, и он вновь проваливается в омут ее одуряющих глаз.

– Неужто?!

Потом она вдруг делает паузу и добавляет.

– А может быть насовсем?

В интонации ее голоса ему кажется какая-то несерьезность, и он в тему пытается сострить:

– Только без отпевания.

Вера сердито шлепает по его руке, но продолжает улыбаться. Однако в ее взгляде остается вопрос, и чувство юмора вдруг подводит Горина.

– Поздно, наверное, Верочка, в моем возрасте...

Улыбка на лице Веры блекнет.

Он досадливо обрывает неуместную фразу, поднимает глаза на припухлые, в темной помаде губы девушки, махровые ресницы, встрепанные по какой-то фантазии волосы. Ее усердие выглядит эффектнее и моложе углубляет возрастную разницу между ними, но он понимает ее старания как желание нравиться ему еще больше, хотя больше, вроде бы, и некуда.

– Я хотел сказать, что не все так просто..., – пытается исправить ошибку он.

– Ну да...

– Я огорчил тебя?

– Да нет, просто тебя так давно не было... Я стала отвыкать.

Горин уже колеблется, прежде чем что-то сказать.

– Было много работы, но я просто... умирал без тебя.

Похоже на нее это действует, она еще немного колеблется, потом подается к нему с заговорицким выражением.

– Ты помнишь, прошлый раз... Мы были вместе в этом же кабаке. Потом ты сразу уехал... Сегодня я тебя не отпущу.

– А что, есть такая опасность? – тянет он, уже догадываясь, к чему она клонит.

– Да, есть, но это пока секрет, – смеется Вера, но не выдерживает, достает из своей сумочки ключи, помахивает ими у своего лица и быстро прячет.

– Подруга уехала в отпуск.

– Надо же, какая удача, – бормочет Горин.

Его реакция озадачивает Веру.

– Ты что, не рад?!

– Как это... Рад конечно... Налить тебе коньяку?

– Налей... Как-то ты не очень...

– От такого сюрприза теряешься, – оправдывается Горин. – Сразу же не поверить.

У соседнего столика останавливаются две молоденькие женщины, спрашивают, свободен ли он и, не дожидаясь ответа, который понятен и так, идут на посадку.

Вера явно не в восторге от неожиданных соседок, и окидывает их не слишком приветливым взглядом. Нормальная реакция. Коммуналка никого не радует, хотя столик немного в стороне. К счастью девицы сразу же принимаются за свои сплетни, обозначив таким образом свою автономию.

– Может коньячку? – предлагает он Вере, забыв, что предложение уже было.

– Не надо. Я и так опьянела, – отводит от него взгляд Вера и совсем не к месту смеется, потом спохватывается. – Наверное оттого, что давно с тобой не виделись

– Что-то не очень верится. Можно подумать соскучилась, – недоверчиво улыбается Горин.

– Как? Ты мне еще не веришь?! – распахнув на него глаза, изображает возмущение Вера, но ему кажется, что она смотрит куда-то мимо.

Грохот инструментов прерывается.

– Я сохраняю тебе верность, как стеклышко, – заявляет Вера, явно подавляя улыбку.

Улыбка не вписывается в озвученный текст и Николай Павлович уже чувствует что-то неладное.

– Ну да, – опершись подбородком на ладонь, вглядывается он в ее лицо. – Матовое. У тебя скоро глаза разъедутся оттого, что строишь кому-то глазки.

Вера удивляется.

– Как ты увидел? Спиной что – ли? – потом оборачивается и видит отражение в витринном стекле.

– Ну, ты прямо Штирлиц... Просто он мне гримасы строил. Мне такие не нравятся. Мальчишка, да еще и усатый.

Горин косится на витрину, частично закрытую белокурой полненькой соседкой, и различить толком объект интереса своей подруги ему не удается.

– А что, усы в чем-то мешают? – не удерживается от колкости Горин.

– Я-то откуда знаю, – фыркает Вера. – Как-то не удавалось попробовать.

Горин улавливает уже жесткие нотки в ее голосе. Можно было наклониться к ней и шепнуть что-нибудь приятное на ушко, но он почему-то этого не делает.

– Пригласи меня. Музыка спокойная, какую ты любишь, – неожиданно предлагает она.

Горин откладывает взятую, было вилку, с недоверием смотрит в ее лицо. Вера тянет его за рукав. Ни одного взгляда за его спину. Он поднимается и ловит нырнувшую к нему в объятия женщину. Музыка уже не кажется такой громкой и грубой. Горин прячет в ее приятно пахнущих волосах лицо, она обнимает его шею руками и прижимается всем телом. Неожиданно сильно и настойчиво.

– Верочка, пощади меня, – шепчет он ей на ухо.

Она смеется и еще плотнее прижимается так, что он ощущает каждый изгиб, каждую впадинку ее горячего молодого тела.

– Мне кажется, я кое-что чувствую, – шепчет она.

– Тебе кажется, – снова неудачно бормочет Горин.

К столику возвращаются вместе. Соседки взглядами выдают свой интерес к ним. Очевидно, и прерванный разговор велся на определенную тему. Можно догадаться какую. Разница в их возрасте видна со стороны...

Устроившись, он замечает, что Вера села не сразу.

– Давай поменяемся местами, – неожиданно предлагает она.

– Да ну, глупости, – возражает он, все еще не веря своим предчувствиям.

– Тогда налей мне коньяку.

Горин немного медлит, но выполняет ее просьбу. Затем наливает себе, переводит взгляд на лицо девушки, собираясь что-то сказать, но тут же забывает слова – выражение ее лица отражает какую-то настороженность.

– Дядя, можно пригласить вашу девушку? – слышит он голос над головой, не сразу понимает, что обращаются к нему и смотрит на Веру. Та, порозовев, отводит глаза в сторону. Он сжимает губы, собираясь отшить неожиданного племянника, но Вера, не дожидаясь его реакции вдруг поспешно поднимается и уходит. Это сюрприз.

Николай Павлович ошалело оглядывается на соседок. Похоже, они заняты своими проблемами, а может быть только делают вид... Горин пытается вникнуть в их разговор, но обрывочные фразы не складываются, и понять, о чем идет речь, трудно. По возрасту они, скорее всего студентки и, наверное, явились сюда, чтобы отметить какое-то событие, может быть окончание сессии. Он напрягается, чтобы сообразить в какой период сдаются экзамены в учебных заведениях, но уже не может вспомнить, когда это происходило в его студенчестве, да и что вспоминать, сейчас все по-другому – каждое время устанавливает свои правила и порядки. Еще эта музыка, навязчивая и бесконечная. Может быть, кто-то заказал повтор? Обе девицы накрашены и одеты, наверное, модно. Возможно, они никакие и не студентки, а просто вышли на охоту. А может быть, у кого-то из них день рождения. Если да, то скорее всего у сероглазой, с русыми волосами, она держится немного торжественно. Или просто редко бывает в таких заведениях...

Странно, музыка уже смолкла, а Веры все нет. Горин с трудом сдерживается, чтобы не оглянуться. В конце концов, она может отправиться в туалет. Объяснимая и естественная ситуация... Наконец шорох стула Веры извещает о ее возвращении. Горин поднимает глаза на ее разгоряченное лицо и пытается улыбнуться. Не получается.

– Зачем ты разрешил пойти с ним? – выпив почти фужер освежающего напитка, равнодушно спрашивает она.

Для Николая Павловича это новость, но он решил обыграть сцену.

– Думал, ты поставишь его на место.

Она рассеянно смотрит куда-то мимо, затем принимается за свое блюдо.

– Я же не знала...

Горин наливает себе коньяк. Он ненавидит себя за собственное бляение, но понимает, что, теперь все, что бы он ни сказал, никак не повлияет на назревающую ситуацию. И что бы ни сделал, тоже...

– Ты мне почему-то не рассказываешь о себе. Твоя дочь еще не вышла замуж? – неожиданно наезжает Вера.

Горин с удивлением переводит взгляд на нее.

– Нет.

– А пора бы.

– Зачем торопиться с этим? Ты же не решаешься, – бормочет он.

– А никто не берет, – заявляет Вера.

Николай Павлович окончательно теряется и не знает, что сказать.

– А как твоя жена? Не болеет? – закусывает удила подруга.

Горину кажется, что ее слышно не только за их столиком, и он напрягается.

– Ты же знаешь, она в возрасте...

Соседки, потеряв нить своих интриг, явно захвачены разворачивающейся драмой. Горин механически выпивает свой коньяк, затем некоторое время изучает доньшко рюмки из обыкновенного желтого стекла...

– Ты к чему все это? А как претендент? Не длинноват ли?

– Чем длиннее, тем лучше! – отзывается Вера.

Николай Павлович бледнеет и поднимается.

– Ты куда? – вскидывает голову Вера.

Он слышит ее голос, но старается не смотреть ей в лицо.

– Не переживай, ног я ему не обломаю, – отвечает он. – Любимый размер останется.

– Не надо, сядь, – удерживает она его за рукав.

Он рассматривает ее встревоженное лицо, вдруг показавшееся ему незнакомым, затем с усмешкой объясняет причину своей отлучки. Естественный физиологический процесс. Он уже не слишком старается выбирать слова, теперь это не имеет никакого значения.

– Не сходи с ума! – слышит он голос Веры за спиной.

«Надо ж такому случиться...» – издевается голос певицы. Только сейчас он замечает, что музыка, под которую уходила его недавняя подруга, еще не кончилась.

После полутемного зала туалет кажется нестерпимо ярким... Может быть она удерживала его чтобы что-то сказать? Хотя он и без того догадывается, что именно и понимает, что это конец.

Открывая вторую дверь, Николай Павлович сталкивается с предполагаемым соперником. Тот уже не кажется недозревшим, хотя, действительно тощим и длинным, словно рос где-то в условиях недостаточной освещенности. Горину всегда было непонятно чем могут привлекать такие переростки женщин. Может быть лицом, так тоже ничего особенного, разве что наглые глаза в сочетании с едва наметившимися усиками... Парень под его долгим взглядом бледнеет и пытается протиснуться за его спиной. Проход узкий и Николай Павлович испытывает голокружительное желание ткнуть его локтем в живот, но сдерживается.

Оставшись один, он приближается к зеркалу, в которое давно не заглядывал и не сразу понимает, что отразившаяся физиономия принадлежит ему. Морщинки, казалось бы, недавно

лишь обозначившиеся у глаз, уже определяются на ощупь. В некогда темной шевелюре просвечивает седина... Горин тяжелым взглядом всматривается в пугающие детали отражения.

Сознание, как заглочивший компьютер, начинает вдруг подводить итоги, прокручивая бестолковую монотонно-тягостную ленту прожитой жизни, Она наваливаются всей тяжестью, и сейчас Николай Павлович почти физически ощущает эту глыбу времени.

Из последних сил он пытается сосредоточиться на чем-то утешительном, но выдерживаемые эпизоды вызывают лишь унылое недоумение, неужто ради этого цеплялся, толкался, чтобы, в итоге, вот так ткнуться в недоумении рожой в зеркало – почему в один из бесчисленных дней не прервал эту бессмысленную череду забот, потуг, неудач...

Правда, он знает почему. Потому что инстинкт, словно ошейник держит его за горло и не дает сбежать. Горин осторожно крутит головой и... не чувствует его. Вот оно! Он окидывает взглядом верхние трубы к сливным бачкам. Трубы на вид крепкие, правда они выше кабин и любой вошедший может стать свидетелем его приготовлений, а хуже всего помехой. Сделать все быстро вряд ли получится, но им уже овладела лихорадка нетерпения. Он нащупывает брючный ремень и одним движением выхватывает из петель. Прислушивается. Тишина. Метнувшись в кабину, вскакивает на кромку унитаза, быстро перехлестывает ремень через трубу, пытается поймать пряжку, тянется, ловит и... внезапно оказывается на полу, ударившись плечом о мусорное ведро и головой о перегородку. Проклятые ботинки соскользнули с глазурованного горшка. Конечно, надо было снять обувь... Полежав несколько секунд он слышит чей-то насмешливый голос. Кто-то интересуется, не надо ли помочь. Все, время потеряно. Он поднимается, садится на край унитаза и долго тупо смотрит на свои предательские ботинки, затем переводит взгляд на зажатый в ладони ремень, встает и вдевает его в брюки. У раковины он подставляет лицо под струю холодной воды. Воздух из электрополотенца не подогретый, и он долго ждет, когда кожа высохнет, стараясь ни о чем не думать, да это и не сложно – в голове, где только что роились какие-то безумные мысли пусто, словно в покинутом улье.

Он выходит в вестибюль стоит там некоторое время, поеживаясь от недоумения. Чего, собственно, он взбеленился?! Инстинкт размножения правит миром, потому абсолютно естественно, что она покидает распутившего слюни старого клеща. Молодая, здоровая девушка испытывает естественную потребность в молодом же осеменителе, который сможет стать отцом ее детей. Элементарная житейская логика и не в его власти идти поперек программы встроеной во все живое. Все это он прекрасно знал все годы знакомства но, вместо того, чтобы отпустить девчонку цеплялся за ее юбку. Наверное, со стороны, он похож на паучка, нечаянно поймавшего в свои сети крупную, красивую муху. Слишком крупную и слишком красивую... Горин мотает головой, словно так можно избавиться от навязчивых мыслей и с трудом удерживает равновесие. Определенно он слишком много выпил.

В зале ресторана временное затишье. За их столиком предсказуемо никого нет. Теперь он совсем один. Видимо, девицам, то ли студенткам, то ли путанам удалось-таки подцепить клиента. За столиком блондинки, какой-то незнакомец пытается поймать ее колено. Дама по поводу его поползновений не имеет ничего против, но, старается сдерживать нетерпеливого клиента, поскольку обстановка исключает развитие событий. Военный уже хорош – тарачит осоловевшие глаза то на одну, то на другую из приглашенных женщин.

Появление официанта очень кстати. Горин знаком приглашает его к столу. Тот, листая на ходу квитанции, подходит и почему-то озирается.

Николай Павлович вопросительно смотрит на него.

– Заказ делала дама. Платить будете вы?

– Да. Видимо расплачиваться буду я, – отвечает Горин. – За все.

– Но, возможно она не ушла, – официант осматривает стол, вероятно разыскивая гардеробный номерок.

Николай Павлович тоже пытается обнаружить номерок, который лежал у фужера Веры и не видит его.

– Это уже не имеет значения, – бормочет он.

Официанту больше неинтересны его проблемы, и он сухо называет цифру. Николай Павлович, не вникая в обоснованность счета, выкладывает деньги.

Гарсон слегка оживляется и исчезает.

Горин, выпрямляется на стуле, замирает на несколько секунд, словно собираясь нырнуть в бассейн, затем резко встает и неровной походкой отправляется в вестибюль. Беснующаяся толпа танцующих заполнила проходы и ему приходится постоянно увертываться от непредсказуемо скачущих тел. Он пробирается не поднимая глаз, заботясь лишь о том, чтобы ему не наступили на ноги.

В вестибюле он обнаруживает в отражении зеркал темноволосую соседку по столику. Она уже в светлой шубке, и шапке рыжего цвета.

– Вы уже уходите? – спрашивает она. – А-а...

– Давно пора, – отвечает Горин.

– Вот видишь, у меня интуиция, – слышит он голос сбоку и поворачивается в ту сторону.

Голос принадлежит сероглазой. Николай Павлович собирается спросить, причем тут интуиция, но задерживается взглядом на ее лице и забывает о своем намерении. Понять затуманенным разумом, что с ним происходит он не в состоянии, но что-то в ее облике заставляет его онеметь. Он сам не знает что именно. Может быть что-то из недавно перелопаченного прошлого? Может быть, эта женщина уже была в его жизни очень давно и вернулась сейчас все такой же молодой и хочет спасти его? Он согласен на все. Пусть даже это будет свет в конце тоннеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.